

Информационное общество и библиотеки

Часть 1. Соблазн «разбиблиотечивания»

Характеризуется экономическая основа грядущего информационного общества. Сопоставлены электронная коммуникация и книжная коммуникация, элементом которой являются библиотеки. Раскрывается тенденция «разбиблиотечивания» библиотек в информационном обществе. Рассматриваются личностные особенности Homo informaticus и явление дисфункции чтения.

Ключевые слова: *информационное общество, библиотеки, информационная экономика, электронная коммуникация, книжная коммуникация, «разбиблиотечивание», дисфункция чтения, государственные программы, Россия, Homo informaticus.*

Постановка задачи

В наши дни перспективы развития человечества связываются со становлением глобального информационного общества, которое понимается как «ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ВВП, созданием глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах» [9]. Существуют обширные перечни особенностей вновь возникающего общества, которые включают в себя повышение роли личности в социальных процессах, трансформации культуры, изменение статуса науки, обострение экологических, демографических и других глобальных проблем. Для определения роли библиотек в информационном обществе решающее значение имеют две сущностные особенности информационного общества: во-первых, формирование *информационного рынка* — системы экономических, правовых и организационных отношений между людьми по торговле информационными технологиями, информационными продуктами и услугами; во-вторых, становление нового рода коммуникационной культуры — *электронной коммуникации*, основанной на радиоэлектронных средствах связи. Фундаментом электронной коммуникации, супермагистралью информационного рынка и общества в целом служит всемирная система Интернет.

Библиотеки представляют собой социальный институт документальной (книжной) коммуникации, другими ин-

Аркадий Васильевич Соколов,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета культуры
и искусств,
доктор педагогических
наук

ститутами которой являются книгоиздательский, книготорговый, библиографический, а также архивный и музейный институты. Библиотечный институт опирается на многовековые традиции, тогда как электронная коммуникация, в частности Интернет, насчитывает всего несколько десятков лет.

Однако специалисты в области информационно-коммуникационных технологий, чувствуя себя хозяевами положения, не склонны гостеприимно отворять библиотекам двери информационного общества. Отвергая бумажные носители, они утверждают, что информация и знания в информационном обществе воплотятся не в архаичные документные фонды, а в электронные (оцифрованные) информационные ресурсы глобального масштаба с возможностями доступа из любого места и в любое время. Предприимчивые менеджеры образовали большое число коммерческих информационных фирм, обслуживающих бизнес и государственное управление на платной основе. Библиотеки не в состоянии конкурировать с этими фирмами по ассортименту и качеству предоставляемых услуг, кроме того, Интернет обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. На книжном рынке назревает бум ридеров электронных книг. В итоге создается впечатление, что электронная коммуникация успешно вытесняет документальную, грядущее информационное общество немислимо без ридеров и Интернета, а без библиотек вполне может обойтись. Насколько обосновано это впечатление? Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы разобраться в этом вопросе.

Информационная экономика и библиотеки

Начиная с основополагающего футурологического труда социолога и экономиста Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), принято считать, что в будущем информационном (постиндустриальном) обществе основной производительной силой станут *информация и знание*, основанные на электронной компьютерной технике и обеспечивающие беспрецедентный рост ВВП [2]. Другими словами, информация и знание превращаются в *наиболее ценный товар* повышенного спроса. Д. Белл подчеркивал: «Если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание — основа общества постиндустриального» [2, с. СЛГ]. Таким образом формируется *информационная экономика* (основанная на знаниях), в которой большая часть ВВП обеспечивается за счет информационной индустрии (производство вычислительной и радиоэлектронной техники) и информационного рынка.

Д. Белл отмечал также преимущественное развитие *сферы услуг* (третичный сектор) по сравнению с первичным (добывающие отрасли и сельское хозяйство) и вторичным (обрабатывающая промышленность и строительство) секторами. К сфере услуг, концентрирующей в постиндустриальную эпоху более 50% самодеятельного населения, относятся торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также области информационной деятельности — научные исследования, образование, государственное управление. Сегодня почти 80% американского ВВП обеспечивает третичный сектор — сектор услуг, причем львиную долю составляют информационные услуги. Этот факт является одним из главных доводов в пользу утверждения, что в США *практически реализовано информационное общество*.

Некоторые отечественные ученые, воодушевленные достижениями западной информатизации, категорически заявляют, что приоритетное развитие и широкое практическое использование современных информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества является сегодня необходимым условием не только для развития экономики, но также и для обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности страны, повышения уровня и качества жизни ее населения¹. Другие авторы рассуждают более сдержанно и задаются вопросом о том, какие услуги считаются информационными?

Главным источником национального богатства США является не производство материальных или духовных ценностей, не научные исследования и народное образование, а *торговля деньгами* — финансовое посредничество и биржевые спекуляции в мировом масштабе. С финансовыми операциями связаны наиболее доходные информационные услуги в глобальной рыночной экономике, а именно: юридические, страховые, кредитные, комиссионные, рекламные, трансфертные, аудиторские, консалтинговые. Эти операции осуществляются в Интернете, и библиотечно-библиографическая система не имеет к ним никакого отношения. Свой вклад в ВВП США вносят грандиозные контракты и бонусы топ-менеджеров транснациональных корпораций и банков, биржевых брокеров, звезд поп-арта, а также доходы юристов и психоаналитиков — самых многочисленных и богатых профессиональных групп на рынке информационных услуг.

Таким образом, функционирование третичного сектора в качестве основного источника ВВП непосредственно зависит от глобальной информационной сети. В экономической теории подобное раздувание ВВП называется «внеэкономическим мыльным пузырем», который обрекает страну на зависимость от импорта и бесперебойной работы глобальных финансовых, транспортных и информационных сетей. Ее нарушение чревато экономической катастрофой, и тогда выживание страны будет зависеть от способности к самообеспечению, которая снижена у информационных обществ вследствие их деиндустриализации [3]. Библиотеки, финансируемые государством или бизнесом, никакого вклада в ВВП не вносят, потому что не создают добавленной стоимости (их услуги бесплатны) и не могут участвовать в информационном рынке.

Точнее было бы сказать, что наши экономисты не умеют представить создаваемый библиотеками духовный продукт в денежном эквиваленте, но пока в грандиозном спектакле становления и развития глобального информационного общества библиотечному институту отводится эпизодическая роль актера, провозглашающего «кушать подано!». Не случайно в технократических концепциях информационного общества главный акцент делается на информационно-коммуникационные технологии, а книга и библиотеки не упоминаются вообще или фигурируют в качестве «объектов информатизации».

Опасаясь оказаться в качестве изгоев грядущего информационного общества, библиотечные руководители энергично иницируют программы автоматизации, информатизации и компьютеризации библиотечных процессов, проекты построения электронных библиотек, сводных каталогов, корпоративных библиотечных сетей, служб виртуального библиографического обслужива-

ния и т. п. Такая работа ведется во всем мире. Значительные капитальные затраты оправдываются обещаниями резко поднять качество библиотечно-библиографического обслуживания при сокращении производственных издержек и, самое главное, гарантиями закрепления на информационном рынке и вхождения в информационное общество в качестве полноправного члена. Информатизация библиотек означает, что они изменяют свою коммуникационную сущность: выходят из документальной коммуникации и становятся элементом электронной коммуникации. Я называю такую метаморфозу «разбиблиотечивание».

«Разбиблиотечивание» — пропуск в информационное общество

Что понимается под «разбиблиотечиванием»? Этот неблагозвучный термин означает преобразование библиотеки, при котором она утрачивает свои сущностные, необходимые и обязательные качества². Интеллигент-просветитель Ф.Ф. Павленков в своем «Энциклопедическом словаре» (1905) лаконично объяснял: «Библиотека — более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом» [14]. «Библиотечная энциклопедия» (2007) предлагает модернизированную терминологически, но по сути ту же классическую формулировку: «Библиотека — учреждение для сбора, хранения произведений печати и других документов, а также пользования ими» [11]. Следовательно, библиотеке необходимо присущи, по крайней мере, два существенных признака: книжный фонд и читатели библиотечных книг. Это главные признаки: без книг и читателей библиотечари перестают быть библиотекарями, а пустующие книгохранилища и читальные залы нельзя назвать библиотечными пространствами. «Разбиблиотечивание» означает «симуляцию книг и читателей»; оцифровывание фонда — замена книг их суррогатами, а телекоммуникационное обслуживание — виртуализация читателей. В результате получается, как говорят французские постмодернисты, *симулякр*, то есть знак, обозначающий то, чего нет.

Учреждение, именовавшееся раньше «библиотека», теперь отсутствует, а вместо него появился информационный центр, центр электронной коммуникации, который можно из уважения к его происхождению назвать «электронной библиотекой», но точнее было бы «информаторий». Здесь рукописные и печатные книги станут исполнять роль музейных экспонатов, будет господствовать *безбумажная*, а не книжная коммуникация. Бывшие интеллигенты-книжники превратятся в информационных менеджеров, аналитиков-син-

тезаторов информационных ресурсов, навигаторов в глобальных информационных сетях, в лучшем случае в инструкторов по освоению информационной культуры. Подобный библиотечный симулякр, несомненно, будет благосклонно воспринят энергичными технократами информационного общества, ведь именно такой представлялась им библиотека будущего. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат.

В 1970 г. в журнале «Библиотекарь» появилась статья «Путешествие в будущее? Возможно!». Ее автор предсказывает, что «на смену книгам придет электронная память машин», будет создан «в сравнительно недалеком будущем» мировой информаторий, мгновенно выдающий «любую справку и вдобавок — на любые расстояния», наконец, «домашний компьютер с экраном для воспроизведения изображения, подсоединенный к всемирной информационной сети, появится в каждой квартире» [7].

В 1997 г., выступая на международной конференции в Крыму, основатели российского Института развития информационного общества Т.В. Ершова и Ю.Е. Хохлов нарисовали следующий образ библиотеки будущего: «На наш взгляд, таковой можно считать библиотеку, которая обеспечивает пользователям свободный доступ к информации, независимо от их социоэкономического статуса и местонахождения; является органической частью национальной и мировой информационной системы и предоставляет благодаря этому возможность получения информации из любого источника без временных, географических и иных ограничений; обеспечивает долгую жизнь документам особой культурной и исторической значимости не только посредством консервации, но и путем перевода их образов в электронную форму; умело регулирует соотношение в своем фонде документов на традиционных и электронных носителях информации» [4].

В наши дни руководители ГПНТБ России А.И. Земсков и Я.Л. Шрайберг, говоря о будущем библиотек в информационном обществе и электронной среде, вновь перечисляют такие задачи, как «создание электронных библиотек, содержащих интеллектуальное наследие страны», «организацию универсального доступа к продуктам человеческого гения», «создание сети информационных центров», «формирование библиотечной цифровой (электронной) коллекции, охватывающей созданное интеллектуальное богатство во всем мире» и т. д. [5].

Министерство культуры Российской Федерации планирует разрешить экономические проблемы 46 тыс. публичных библиотек путем оцифровки их стремительно ветшающих фондов и внедрения букридеров. В декабре 2009 г. министр культуры А.А. Авдеев признал, что книга стала товаром, причем дорогим, и государство не в состоянии обеспечить комплектование своих библиотек. Поэтому он счел целесообразным в экспериментальном пока порядке вместо книг закупать букридеры, вмещающие несколько тысяч произведений, что будет в 10 раз дешевле, чем приобретение соответствующего количества книг [8].

Информатизация библиотечных технологий, предусмотренная в технократических проектах, уже произошла или находится в процессе реализации. Государственная программа «Информационное общество (2011—2020 гг.)» предусматривает создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек. Если считать, что библиотек не бывает без книг и читателей, то оцифрованные фонды с удаленным доступом нужно называть не «библиотечным ресурсом», а «информационным ресурсом», точнее, «разбиблиотеченным национальным ресурсом информационного общества». Если в неинформационном обществе были библиотеки, то в информационном обществе должны быть не библиотеки, а информационные службы с электронными каталогами и оцифрованными фондами. Выходит, информационное общество в библиотеках не нуждается?

Допустим, запланированные преобразования осуществлены. Архаичная книжность заменена глобальной «бесбумажной» коммуникацией, которая позволяет оперативно искать, анализировать и оценивать информацию, разрешать проблемы и принимать решения, продуктивно и эффективно использовать инструменты повышения производительности труда, сотрудничать, производить и размещать информацию, быть информированным, ответственным, активным гражданином. Достигнут такой прогресс социальной коммуникации, когда первоклассники носят в кармане мобильные телефоны, а их родители, не выходя из дома, обращаются к информаториям на разных континентах. Допустим, мы находимся в информационном обществе XXI в., процветающем, благодаря развитию информационной экономики, где информация и знание почитаются высшей ценностью. Какими людьми будут граждане этого общества, обучающиеся не по истрепанным учебникам, а с помощью портативного цветного ридера с 10-дюймовым экраном по диагонали и с памятью 2000 книг?

Homo informaticus и дисфункция чтения

Допустим, оправдаются предположения футурологов, что человек, выросший в искусственных условиях информационной среды и овладевший информационной культурой³, должен претерпеть органическую трансформацию, изменить свою природу и из банального Homo sapiens или Homo eonomicus превратиться в *Homo informaticus* — человека информационной культуры. Предположения эти неоднозначны. Распространено мнение, что Homo informaticus — духовно деформированный новый антропологический тип, законсервированный в своем виртуальном офисе. «Такой работник, — пишет один из авторов, — буквально “растворен” в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам среды здесь вторична. По сути, это означает смену среды обитания современного человека!» [1]. Предсказывается, что новая искусственная среда обитания приведет к взаимному отчуждению информатизированных членов социума, разрыву социальных связей и, в конце концов, к распаду самого общества. Возвращенный в информационной среде Homo informaticus должен воспринимать библиофила Homo legens (человека читающего) как ископаемого предка, а не как близкого родственника.

Другие авторы мыслят не столь пессимистично. Основатели методологии викиномики Д. Тапскотт и Э. Уильямс восхищаются «сетевым» поколением: «Это — поколение исследователей. Они более скептически по отношению к авторитетам, так как способны мгновенно просеивать информацию, самостоятельно, либо с помощью

соратников и соседей по Сети. Они уверены в себе больше, чем предыдущие поколения, но они все равно беспокоятся о своем будущем. Это поколение склонно ценить права личности, включая право на личную жизнь и выражение своей точки зрения» [12]. К американским информатикам практически присоединяется декан факультета менеджмента и социально-информационных технологий МГУКИ Н.А. Сляднева, которая подчеркивает: «Новый информационный режим гарантирует иные масштабы социального креатива, свободу доступа к информации, демократичность и разнообразие возможностей самовыражения, вербализации и других форм выявления своего внутреннего мира, его объективации в виртуальной среде. Все эти преимущества информационного общества позволяют неизмеримо более широким кругам проявлять гражданскую активность, участвовать в социальных проектах, демонстрировать лидерские качества» [10].

Можно согласиться с тем, что Homo informaticus будет более умным, креативным, расчетливым и реактивным, чем интеллигент-книжник, но он наверняка не станет почитателем книги, томимым благородной жадностью чтения. *Дисфункция чтения* — одна из хронических болезней информационной культуры. Социологи, изучавшие чтение в России начала 1990-х гг. (руководитель С.Н. Плотников), разделили население страны на четыре категории: читающие практически постоянно (около 20%); читающие более двух книг в месяц (25%); читающие одну-две книги за полгода (35%); совсем не читающие (более 20%) [15, с. 49—55]. Оказалось, что далеко не все «интеллигентные» россияне — усердные читатели. Лишь треть людей, имеющих высшее образование, читает постоянно, треть читает две и более книг в месяц, остальные обходятся без чтения литературы. При этом из художественных изданий предпочтение отдается развлекательному жанру (детективам, фантастике, приключениям). В итоге исследователи пришли к заключению: «Основной тенденцией последних лет стала утрата чтением его исключительной роли в российском обществе, его превращение, с одной стороны, в источник получения нужной информации, а с другой — в средство развлечения, как это и происходит в других странах, если вести речь о массовом чтении» [15, с. 192].

Данные, опубликованные социологами в 2000-е гг., подтверждают это заключение [13]. Около 20% россиян не читают ни книг, ни журналов, а из 80% читающих к услугам общедоступных библиотек обращаются 18%, главным образом — учащиеся, 63% пользуются личными библиотеками знакомых, прочие довольствуются собственными книгами. Исследования 2010 г. показали, что 20% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг,

а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, за последние 15 лет увеличилась до 35% [6]. Для современной молодежи, граждан грядущего информационного общества, главным коммуникационным каналом давно уже стал Интернет, а красочные изображения мультимедиа успешно конкурируют с типографской продукцией. Все меньше и меньше остается книголюбов, проявляющих, как говорят, «рудиментарные интеллигентские читательские установки».

Если дисфункция чтения станет характерной чертой информационного общества, то «разбиблиотечивание» произойдет автоматически. Такая угроза реально существует, и способы её преодоления неизвестны. Если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать библиотеки? Боюсь, что уже сегодня очень немногие налогоплательщики встревожатся, если вместо филиала ЦБС на их улице появится частное интернет-кафе. И государственную власть вовсе не беспокоит превращение россиян в нацию нечитателей, а вот выращиванием Homo informaticus она озабочена всерьез. Напомню некоторые государственные акции.

В 1995 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»; в том же году Администрация Президента РФ разработала «Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». В конце 1998 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ одобрила «Концепцию государственной информационной политики»⁴. В русле этой политики находится «Концепция формирования информационного общества в России»⁵, предложенная в мае 1999 г. Государственным комитетом РФ по связи и информатизации. На международной арене информационная политика нашего государства проявилась в присоединении России к «Хартии глобального информационного общества», принятой на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 г., Окинава). С положениями Хартии была согласована Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002—2010 гг.)»⁶. В феврале 2008 г. Совет Безопасности РФ одобрил новый директивный документ — «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации»⁷. Поскольку программа «Электронной России» оказалась исчерпанной, в 2010 г. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ разработало новую долгосрочную целевую программу «Информационное общество на 2011—2020 гг.»⁸.

Названные документы единогласно обещают «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации»; «полноценную жизнь и эффективную деятельность человека в информационном обществе XXI века», «согласование интересов граждан, общества и государства»; «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации для того, чтобы обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности». При этом ни в одном официальном документе, ни в одной концепции, стратегии или программе, нацеленной на построение в России информационного общества, нет слов «книга» или «чтение». Напрашивается безрадостный вывод: власти представляют будущее российское общество как общество *нечитающее и бескнижное*. Не случайно же в России нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры.

Без официального афиширования в стране более 20 лет фактически осуществляется политика «разбиблиотечивания общества», заключающаяся не только в информатизации отдельных библиотек, но и в сокращении библиотечных сетей. Практически распались сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные си-

системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Эти факты свидетельствуют о том, что те социальные функции, которые традиционно выполнялись библиотечным социальным институтом, постсоветскому информационному обществу не нужны. Приходится признать, что никого не смущает «разбиблиотеченное» технократическое общество, основанное на информационном рынке и глобальной электронной коммуникации. Может быть, и не стоит беспокоиться об «обиблиотечивании» информационного общества?

Заглянем в будущее. Допустим, транснациональные корпорации и государственная бюрократия осуществили свои технократические проекты построения глобального или хотя бы российского информационного общества. Действительно ли сбудутся обещания «обеспечить населению достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности»? Какие социально-политические реалии нам уготованы в будущем и предусмотрено ли в них достойное место для книги и библиотеки?

Библиотеки в классическом их воплощении, т.е. как «более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом» (Ф.Ф. Павленков), сохранятся в XXI в., если они будут нужны обществу не как информатории, а как «неразбиблиотеченные библиотеки». Это возможно только в том случае, если библиотеки возьмут на себя выполнение какой-то крайне важной общественной миссии, которую никакие другие социальные институты выполнить не в состоянии. В чем заключается эта миссия? Вопрос сложный. В поисках ответа обратимся к авторитетным концепциям информационного (сетевое, цифровое, постиндустриального, постэкономического) общества.

Примечания

- ¹ Очень развернуто и аргументированно эта точка зрения выражена в многочисленных публикациях К.К. Колина.
- ² Термин «разбиблиотечивание» был впервые использован нами в публикации: Соколов А.В. Разбиблиотечивание как панацея: раздумья интеллигента-книжника // Шк. б-ка. — 2009. — № 6/7. — С. 138—143.
- ³ Библиотековед-педагог Н.И. Гендина предложила следующее толкование: информационная культура личности представляет собой одну из основных составляющих общей культуры человека и мыслится как «совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных

технологий» (Гендина Н.И. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности / Н.И. Гендина [и др.]. — М., 2008. — С. 65).

- ⁴ <http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html>
- ⁵ <http://www.libertarium.ru/68568>
- ⁶ <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/828/833/>
- ⁷ <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategiadok.html>
- ⁸ <http://fcp.vpk.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/369/>

Список источников

1. *Абрамов М.Г.* Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. — 2000. — № 4. — С. 127.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 1999.
3. *Горянин А.* Труды и заработки // Лит. газ. — 2010. — 6—12 окт., № 39.
4. *Ершова Т.В.* Информационное общество и будущее библиотеки [Электронный ресурс] / Т.В. Ершова, Ю.Е. Хохлов. — Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea97/doc/s1/s1doc5.html>
5. *Земсков А.И.* Электронная информация и электронные ресурсы: публикации и документы, фонды и библиотеки / А.И. Земсков, Я.Л. Шрайберг. — М.: ФАИР, 2007. — С. 497—501.
6. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М., 2010. — С. 87.
7. *Ляпунов Б.* Путешествие в будущее? Возможно! // Библиотекарь. — 1970. — № 9. — С. 53—56.
8. Минкульт обещает сделать библиотеки цифровыми [Электронный ресурс] // Новости электронного книгоиздания. — Режим доступа: <http://www.digital-books.ru/category/biblioteki/>
9. Рекомендации Всероссийской конференции «Будущее России — создание информационного общества XXI века» [20 марта 2001 г.] // *Ершова Т.В.* Информационное общество — это мы! — М.: ИРИО, 2008. — С. 478
10. *Сляднева Н.А.* Гражданское общество и информационное общество: проблема коэволюции // Информ. ресурсы России. — 2009. — № 2. — С. 3.
11. *Столяров Ю.Н.* Библиотека // Библ. энцикл. — М.: Пашков дом, 2007. — С. 139.
12. *Тапскотт Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё / Д. Тапскотт, Э. Уильямс. — М.: BestBusinessBooks, 2009. — С. 72—73.
13. Читающий мир и мир чтения: сб. ст. — М.: Рудомино, 2003. — 190 с.
14. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. — 2-е изд. — СПб., 1905. — С. 226.
15. *Homo legens.* Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929—1995). — М., 1999.

Окончание статьи — в следующем номере журнала.